

Раздел I

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

В.И. КОПАЛОВ

ТВОРЧЕСКАЯ ИДЕЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ И.А. ИЛЬИНА: К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

*История народа есть молчаливый глагол
его духа, таинственная запись его судеб,
пророческое знамение грядущего.*

И.А. Ильин

I. ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО

Среди трудов И.А.Ильина нет специальной работы по русской философии истории, но все его творчество — это всесторонний анализ духовного потенциала русского народа, его святых, героев, гениев и вождей в истории и культуре. Он убедительно доказал, что «судьбы народа сокрыты в его истории. Она таит в себе не только его прошлое, но и его будущее; она являет собою его духовное естество: и его славу, и его дар, и его задание, и его призвание»¹.

И.А.Ильин — один из выдающихся мыслителей русской философии периода ее развития в эмиграции. В советское время его труды были практически неизвестны и недоступны не только рядовому читателю, но и специалисту. Впервые в нашей стране публикации Ильина стали появляться в конце 80-х гг. XX в, вызвали глубокий и устойчивый интерес, а также породили полярные оценки в нашем «перестроенном обществе»: а) мыслитель, пробуждающий и формирующий русское национальное самосознание; б) националист, противопоставляющий культуру и менталитет русского народа другим народам. Как мы сегодня должны относиться к творческому наследию Ильина: или как к некоему интеллектуальному антиквариату, имеющему отношение исключительно к реалиям первой половины XX в., и, следовательно, объекту внимания историков философии и историков культуры; или же следует рассматривать его наследие не только с позиции отвлеченного философского подхода, но и с пози-

ции актуальности его идей для современной России и русского народа?

Революционные катаклизмы начала XX в. имеют много общего с социальными потрясениями его завершения в России, свидетелями которых мы являемся сегодня. Поэтому актуальность многих идей и трудов Ильина несомненна. «Грозные и судьбоносные события, постигшие нашу чудесную и несчастную родину, пронесаются опалющим и очистительным огнем в наших душах. В этом огне горят все ложные основы, заблуждения и предрассудки на которых строилась идеология прежней русской интеллигенции. На этих основах нельзя было строить Россию; эти заблуждения и предрассудки вели ее к разложению и гибели. В этом огне обновляется наше религиозное и государственное служение, отверзаются наши духовные зеницы, закаляется наша любовь и воля»².

И.А.Ильин (1883—1954) окончил юридический факультет Московского университета. Его жизненный путь после окончания университета состоит из трех этапов, каждый из которых насчитывает 16 лет: московский (1906—1922), берлинский (1922—1938) и цюрихский (1938—1954). В мае 1918 г. Ильин защитил диссертацию, посвященную творчеству Гегеля. Оппонентами были его учителя — П.И.Новгородцев и кн. Е.Н.Трубецкой. Диспут продолжался пять часов, и ученый совет помимо искомой магистерской степени присудил ему единодушно и степень доктора философии. Диссертация была опубликована под названием «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека».

С 1922 г. начался период вынужденной эмиграции. Ильин вместе с многими русскими философами, учеными и писателями был выслан из Советской России по идеологическим соображениям. Эмиграция определила особое место Ильина в русском зарубежье. По свидетельству наиболее глубокого знатока его творчества Н.П.Полторацкого, Ильин не принадлежал к числу учеников и последователей Вл. Соловьева. Он скептически относился к философии Бердяева — Булгакова — Карсавина, называя их «дилетантствующими ереснархами».

Вынужденная эмиграция сфокусировала спектр исследований Ильина исключительно на проблемах русской культуры, более того, породила совершенно особое, ревностное отношение к ней, отношение, в котором совместились ностальгия, память и долг мыслителя, стремление воспроизвести и донести до потомства русскую культурную традицию, основанную на Православии, особом художественном акте и народной культуре. Согласно Ильину, «состояние изгнанничества становится заданием, действием и подвигом». В конце своего земного пути он писал: «Теперь мне 65 лет, я подвожу итоги и пишу книгу за книгой. Часть их я напечатал уже по-немецки, но с тем, чтобы претворить написанное по-русски. Ныне пишу только по-русски. Пишу и откладываю — одну книгу за другой и даю их читать моим друзьям и единомышленникам... И мое единственное утешение вот в чем: если мои книги нужны России, то Господь убережет их от гибели; а если они не нужны ни Богу, ни России, то они не нужны и мне самому. Ибо я живу только для России»³.

Ильин — мыслитель самых разносторонних дарований. Будучи специалистом в области философии права, он вместе с тем проявил в своем творческом наследии свойства философа, правоведа, государствоведа, литературоведа, историка, искусствоведа, а также — публициста, оратора, лектора, педагога и редактора. За свою жизнь Ильин написал около 30 книг и несколько сотен статей. До сих пор нет полной библиографии его трудов, многие из которых лишь недавно переведены на русский язык с немецкого, а многие еще ждут перевода. Огромно эпистолярное наследие Ильина. Многого стоит лишь переписка с его близким другом, писателем Иваном Шмелевым, совсем недавно опубликованная впервые по-русски в 3-х томах, которые содержат 233 письма Ильина Шмелеву и 385 писем Шмелева Ильину. По меткому замечанию исследователя и публикатора трудов Ильина Ю. Т. Лисицы эти письма имеют особый глубинный смысл: «Читайте эти письма, в которых даже пространство между словами наполнено смыслом и которые ждут своего собеседника в современной России» ⁴.

Образ Ильина как мыслителя будет более полон, когда мы сведем воедино его основные качества — он был православным философом, монархистом по политическим убеждениям, идеологом белого движения, и патриотом (чаще называл себя националистом). К Ильину могут быть отнесены слова, сказанные им о Суворове: «Он был цельным человеком, с религиозно — укрепленным характером, с русским сердцем, и национально-русским духовным актом». Именно таким запечатлел Ильина художник М.В.Нестеров на своей картине «Мыслитель».

Многие труды Ильина были написаны на основе лекций по русской культуре, которые он читал в различных городах Европы, и особенно циклы лекций, прочитанных в Швейцарии в годы Великой Отечественной войны, что само по себе является актом патриотизма и гражданским подвигом. Следует особо отметить, что появление целой плеяды русских мыслителей, ученых и писателей, весьма серьезно повлияло на духовную атмосферу Западной Европы, на смещение вектора к положительному отношению европейцев к русской культуре и к России в целом. В этом кроются истоки миссии русской эмиграции как по отношению к России, так и по отношению к Европе. Ильин неоднократно писал об этом. Так в статье «Родина и мы» он высказал от себя и от других вышедший смысл русской эмиграции: «Где-то в мудром решении Божиим установлено так, что человек *находит* через *утрату*, прозревает в разлуке, крепнет в решениях, закаляется в страдании».

Позднее этот акт миссии первой волны русской эмиграции по отношению к Европе он выразил еще более точно. «Мы, русские изгнанники, сумели за 20 лет показать другим народам кое-что из нашей веры, нашего искусства, нашей науки, и нашего характера. И от этого пошел по народам некий шелест травы о том, что русское сердце есть живое и благородное сердце, что русское искусство видит глубже и зреее западного, что русский народ заслуживает не презрения, а уважения, внимания и сочувствия» ⁵. И это при всем том, что абсолютное большинство русских эмигрантов не имело гражданства тех стран, где они проживали. Они имели лишь «нан-

сеновские паспорта». Но у Ильина было немало оснований вспоминать оценку Пушкина, что Европа в отношении России всегда была как невежественна, так и неблагодарна.

Среди многообразия основных тем в творчестве Ильина ведущее место занимали следующие: история философии, философия права, нравственная и религиозная философия, эстетика и литературоведение, публицистика. Особняком в этом перечне стоит тема — Россия, русский народ, его историческая миссия и русская культура. Эта тема пронизывает все творчество Ильина. Вместе с тем историко-философская проблематика вплетена в ткань основных трудов Ильина. Обилие книг, статей, лекций автора требует от нас сознательного ограничения наиболее важными трудами, опираясь на которые мы можем реконструировать русскую философию истории Ильина, оригинальную по своему замыслу и исполнению. В первую очередь следует назвать ключевые для этой темы книги Ильина: «Путь духовного обновления» (Белград, 1937), «Основы христианской культуры» (Женева, 1937), «Аксиомы религиозного опыта» (Париж, 1953), «Наши задачи» (Париж, 1956).

Совершенно особое место среди трудов Ильина занимает книга «Сущность и своеобразие русской культуры» (Цюрих, 1942), которая сложилась из лекций, читанных Ильиным в Швейцарии в годы Второй мировой войны. Эта книга является продолжением и концентрацией идей автора, излагаемых в его более ранних работах, и вместе с тем дает совершенно иной ракурс в осмыслении русской культуры, исторической миссии России и русского народа. Впервые на русском языке эта книга была опубликована в 1996 г.

Она содержит шесть разделов, название которых уже дает информацию об их содержании: 1. Душа; 2. Вера; 3. Ход исторического развития; 4. Главные национальные проблемы России; 5. История становления государства; 6. Творческая идея России. Опираясь на эту работу Ильина, а также привлекая многие другие книги и статьи автора, мы реконструируем его философию истории.

II. ХОД ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Характеризуя историческое развитие русского народа и России, Ильин руководствуется принципами Православия, утверждая, что своеобразие это, «свыше, от Провидения, ибо Бог дает Дары своего Святого Духа всем народам, но мерою различною и особливою»⁶. Божественное Провидение проявляется как бремя и задание, которое предстояло вынести и реализовать русскому народу в его более чем 1000-летней истории. Ильин называет три таких бремени, три задания: бремя земли, бремя природы и бремя народности.

Бремя земли — бремя необъятного пространства, открытого и беззащитного, которым надлежало овладеть, обустроить, защитить силою оружия и государственной власти. Шестая часть суши, втрое превосходящая Китай и в 44 раза самую большую страну Западной Европы — Францию, была превращена в мощную Российскую империю.

Бремя природы — бремя необычайно сурового климата с пятишестимесячной зимой, засушливым летом, с зоной вечной мерзлоты, составляющей 47 % территории России. Но вместе с тем природа одарила нас необъятными лесами, полноводными реками, залежами полезных ископаемых, каких нет ни в одной стране мира.

Третье бремя — бремя народности. Россия издревле складывалась как многонациональная страна, объединяющая около 200 племен и наречий. Надо было поднять и это бремя, не подавить, не искоренить иноплеменную и инославную жизнь, а создать духовную, культурную и правовую родину для каждого этноса, всех примирить, вовлечь в государственное и культурное строительство.

Русская история, согласно Ильину, — это скрижаль безмерных трудностей, медленно и терпеливо, жертвенностью и храбростью, преодолеваемых русским народом. «Путь его исторического становления раскрывая ему глубокий божественный смысл Голгофы, принес ему творческие страдания, научил спокойно их воспринимать, с достоинством переживать и терпеливо с помощью смирения, молитвы, любви, созерцания, юмора превращать их в победу»⁷.

Круг проблем, представленных Ильиным в его историософской концепции, исключительно широк. Это — периодизация русской истории, основные этапы становления государственности, главные национальные проблемы России, оценка Смуты, реформа 1861 г. и другие рубежные события в истории России, анализ монархической государственности, религиозный смысл русской революции, феномен большевизма и коммунизма, взаимоотношение церкви и государства, отношение Европы (Запада) к России и, наконец, творческие уроки русской истории.

Анализируя вопрос о происхождении древнерусского государства, Ильин отвергает «норманнскую теорию», утверждая, что «призванная на Русь династия не норманнского или германского происхождения, а чисто славянского (из западных славян) прибыла в Новгород, вскоре после того в Киев; очень легко ассимилировалась в восточнославянских землях... а через два поколения полностью русифицировалась и растворилась в народе»⁸.

По его мнению, против «норманнской теории» свидетельствуют этнические, филологические, географические и исторические доказательства. Поэтому с этой гипотезой надо покончить раз навсегда и считать данный вопрос решенным.

В области периодизации Ильин стремится представить и обосновать главные этапы истории России, выделить основополагающие тенденции развития народа, выявить задачи каждого периода, обрисовать некоторые главные проблемы народной жизни, т. е. показать, что есть, что продолжает быть и что будет из того, что творчески создает своеобразие народа и определяет его будущее. Он выделяет четыре основных этапа.

Первый этап: 800—1237 гг. — когда борьба и труд, тяготы и процветание находились в состоянии некоторого равновесия. Эпоха Киевской Руси, по Ильину, сравнительно частливый отрезок времени в истории России. Главные задачи и достижения этого периода — принятие Русью христианства, достижение государственного единства, утверждение правопорядка, развитие культуры и об-

разования и складывание системы международных отношений, как с Европой, так и с Азией.

Второй этап: 1237—1481 гг. — период катастрофического разрушения древнерусского государства, монгольского вторжения и установление татаро-монгольского ига, продолжавшегося четверть тысячелетия, и которое было свергнуто в конце этого этапа. Это была эпоха углубления веры через страдание и укрепление национального духа. Ильин отмечает роль церкви, которая несла людям веру, силу и утешение, а вера была источником и средоточием национального бытия. Основные задачи этого периода — свержение татаро-монгольского ига, объединение русских княжеств вокруг Москвы, создание основ монархической государственности. При этом Ильин отмечает, негативное воздействие ига на национальное самосознание, на русскую душу, которая длительное время изживала в себе национально-психологические раны. И вместе с тем монгольское иго воспитало в русских неистощимое терпение и стойкость, искусство самопожертвования, способность вынести самый низкий жизненный уровень. Все это в конечном счете привело к свержению ига.

Третий этап: 1482—1800 гг. — период собирания единого русского государства, борьба за национальную независимость, продвижение на Восток и борьба за выход к Балтийскому и Черному морям. Это был период исключительно насыщенный внешнеполитическими, военными и внутриполитическими событиями. Уроки Великой смуты и раскола, грандиозные реформы Петра I, развитие культуры и создание первого университета в России — все это вплелось в ткань исторического бытия и формировало национальное самосознание.

Четвертый этап, согласно Ильину, начинается с 1800 г., охватывает последние полтора столетия и продолжается до сих пор. Это период государственного строительства, культурного освоения природного и человеческого достояния. Эта эпоха еще только началась и далеко не завершена. Ильин многократно указывал, какое значение в развитии этого периода имели революционные перевороты и как они меняли вектор исторического развития России. Анализируя внешние и внутренние причины революции, Ильин подчеркивает, что в революции решается вопрос «о самом бытии России, об ее исторической судьбе, о субстанции ее духа». Так он понимает религиозный смысл русской революции.

Основной характерной особенностью исторического развития Ильин считает *трагизм русской истории*. Всякий, изучающий историю России, видит картину предельного драматического напряжения, как внешнеполитического, так и внутреннего — социального, духовно-нравственного и религиозного. Образ «осажденной крепости» наиболее соответствует историческому бытию России. Кочевники с Востока, Турция и ее вассал — Крымское ханство — с юга, многочисленные вторжения с Запада создавали в русской истории перманентную «континентальную блокаду». Поэтому у России и ее народов не было выбора: либо сражаться и отстаивать свою независимость, либо быть уничтоженными. Две трети своего исторического существования Россия вынуждена была воевать, и эти войны, в

основном, имели оборонительный характер, Поэтому Ильин делает вывод: история России — история длительной национально необходимой обороны. «Из века в век наша забота была не о том, как лучше устроиться или как легче прожить, но лишь о том, чтобы вообще как-нибудь прожить, продержаться, выйти из очередной беды, одолеть очередную опасность; не как справедливость и счастье добыть, а как врага или несчастье избыть; и еще: как бы в погоне за «облегчением» и «счастьем» не развязать всеобщую губительную смуту»⁹.

Суровая школа военной истории привила русскому народу выносливость и национальную стойкость, которая была решающим фактором в наиболее трудные моменты истории России. Как известно, Наполеон с высокой похвалой отзывался о русском солдате: русского мало убить на поле боя, его надо еще повалить. Жизненный инстинкт и национальная стойкость стали архетипическими чертами русского характера. «Так русские веками учились и научились искусству побеждать: отступая, не сгорать в земном пожарище, на руинах возводить новое хозяйство, духовно обновляться в беде и смятении, не терять мужества при распаде, трезво смотреть на вещи в страданиях и молиться; жить в лишениях, собирая духовную жатву, опять возрождаться как феникс, восставая из пепла, создавать на руинах и развалинах и, начиная с нуля, быстро набирать силы и неустанно творить»¹⁰.

Соответственно Ильин формулирует задачи, которые вытекали из исторического бытия русского народа, геополитического положения страны. Россия служила оборонительным форпостом западноевропейской культуры. Историческая миссия России заключалась в том, что она на протяжении столетий поддерживала геополитическое равновесие между Востоком и Западом, не утрачивая при этом собственного исторического и культурного своеобразия и независимости. «Так складывались предопределение и судьба восточных славян: быть срединным народом между Европой и Азией, сдерживать натиск азиатских кочевников, переносить крайности, их господство, не утрачивая при этом себя и не изменяя своей идее, вытравливать чужеродное и впитывать его, чтобы спасти таким образом себя и европейскую культуру от новых гуннов, чтобы воспрянуть, наконец, ото сна и приняться за ткань новой своей, скорее византийской, чем с римским налетом, культуры и тем самым создать вдохновенную по-древнегречески волнующую христианскую, восточно-славянскую культуру»¹¹.

В анализе историософской прогностики Ильина следует представить его аргументы о необходимости монархической формы правления в России. Государственная идея русского народа на протяжении тысячелетия своего существования в основном была воплощена в монархии. Ильин, будучи убежденным монархистом, тем не менее, не просто отстаивает свои политические пристрастия, а опираясь на исторический опыт России, концептуально аргументирует необходимость монархии, как наиболее соответствующей для России и русского народа формы государства. Эти аргументы сводятся к трем основным позициям: чем больше государство по территории и численности населения, тем труднее ему идти по пути федерализма

и демократии; чем разнообразнее национальный состав страны и дифференцированнее конфессиональная принадлежность, тем сложнее создать республиканскую форму государства и исключить авторитарный элемент; чем чаще государство в своей истории ведет длительные и тяжкие войны, тем существеннее в его развитии элемент авторитарности. Историческое бытие русского народа доказало, что федеративное устройство и децентрализация пагубно отражаются на развитии всех сторон общественной жизни — от экономики до культуры.

«Безбрежный демократизм» и регионализация социально-экономических процессов в конце XX в. являются прямым доказательством неэффективности либерализма и демократии на современном этапе развития. Однако Ильин отнюдь не ратовал за восстановление в полном объеме монархии в форме самодержавия. «У русских были достаточно веские основания оставить в стороне дальнейшие федеративные эксперименты и прибегнуть к централистски-объединительной авторитарной форме, преодолеть тем самым все попытки и трудности, связанные с учреждением вечной диктатуры, и насколько возможно, придерживаясь на пути своем легитимной монархии»¹². Ильин замечает, что монархическое правосознание русского народа было утрачено в начале XX в., но оно должно «дорости» до глубинного понимания необходимости монархической формы государства в России, когда монарх воспринимается как «персонифицированное единство, возникшее из множества», стоит выше сословий, классов, партий и является выразителем интересов всей страны и всего народа.

История России была школой религиозного самоуглубления, метафизической сосредоточенности, духовной стойкости, национальной собранности. Национальная стойкость поднималась до христианского долготерпения. «Тем самым национальная борьба была христианством освящена, христианством и держалась: народ был твердо убежден, что его борьба за национальную независимость — дело Господне и угодна Спасителю, служит святыне и церкви... Церковь в сути своей стала называться «Домом Пресвятыя Богородицы» и борьба за отечество получила высший смысл и цель»¹³.

III. ПРАВОСЛАВНЫЕ ОСНОВАНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ильин никогда не претендовал на собственные изыскания в области богословия подобно Вл. Соловьеву и его последователям. Но значение православного христианства в развитии национальной самосознания, русской культуры и истории ему удалось выразить четко, определенно и последовательно. Будучи православным мыслителем, он связывает существование культуры с ее религиозными основами. Согласно Ильину, вся история христианства есть не что иное, как единый и великий поиск христианской культуры. На этом принципе надо утвердиться всякому, кто помышляет о создании культуры. Аналогичную позицию мы встречаем у другого русского философа, священника П.А.Флоренского, который утверждал, что культура рождается из культа, а культ — из веры. Подобная триа-

да: вера—культ—культура имеет место и в западноевропейской философии истории (А.Дж.Тойнби).

В статье «Что дало России православное христианство» (Нью-Йорк, 1938) Ильин убедительно доказал, что национальная духовная культура творится из поколения в поколение не произволом, а таинственными силами души народа, когда они озарены, облагорожены, оформлены и воспитаны религиозной верой. Россия на протяжении тысячелетия была страной православного христианства, поэтому дух Православия всегда определял глубинные структуры русской культуры, строение национального творческого акта. Этими дарами Православия в течение столетий жили, просвещали и спасались все русские люди и граждане Российской империи. И не только те, которые искренно верили, но и те, которые о них забывали, или даже отрекались. Поэтому Ильин называет ряд позиций, которые, по моему мнению, следует представлять и отчетливо знать каждому русскому человеку.

1. Все основное содержание христианского вероучения Россия получила от православного Востока и в форме Православия, на греческом и славянском языках. По словам Пушкина, «Великий духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В этой священной стихии исчез и обновился мир». Эту священную стихию русский народ переживал в Православии.

2. Православие вложило в основу русского человека жизнь сердца (чувство любви) и исходящего из сердца созерцания (видения, воображения). В этом его глубочайшее отличие от католицизма, ведущего веру от воли к рассудку; от протестантизма, ведущего веру от разума к воле. Это отличие, тысячелетие определявшее русскую душу, останется навеки.

3. В нравственной области Православие дало русскому народу глубокое чувство совести, представление о праведности и святости, верное осознание греха, дар покаяния, идею аскетического очищения, острое чувство добра и зла.

4. Отсюда столь же характерный для русского народа дух милосердия и всенародного братства, сочувствие к бедному, слабому, больному, угнетенному и даже преступнику. Отсюда наши нищелюбивые монастыри, богадельни и больницы, создававшиеся на частные пожертвования.

5. Православие воспитывало в русском народе тот дух жертвенности, служения, терпения и верности, без которых Россия не смогла бы отстоять себя от своих врагов. Русские люди в течении всей своей истории учились строить Россию «целованием Креста» и черпать нравственные силы в молитве. Дар молитвы есть лучший дар Православия.

6. Православие утвердило религиозную веру на принципе свободы и искренности, этот дух оно сообщило и русской душе, и русской культуре. Православные миссионеры стремились приводить людей «на крещение» любовью, а не страхом. Именно отсюда в истории России этот дух религиозной и национальной терпимости, который иноверные и инонациональные граждане России оценили по достоинству лишь после революционных гонений на веру, особенно в 20—30 гг.

7. Православие несло русскому народу все дары христианского правосознания — волю к миру, братству, справедливости; чувство достоинства и ранга; способность к самообладанию и взаимному уважению — словом, все то, что может приблизить государство к заветам Христа.

8. Православие вскормило в России чувство ответственности гражданина, чиновника и царя перед Богом. Благодаря этому тираны в истории России были редким исключением. Все гуманные реформы в русской истории были навеяны или подсказаны Православием.

9. Русское Православие верно и мудро разрешило труднейшее задание, с которым почти никогда не справлялась Западная Европа, — найти правильное соотношение между церковью и светской властью, взаимное поддержание при взаимной лояльности и непосягательстве.

10. Православная монастырская культура дала России не только сонм праведников, она дала ей летописи, т. е. положила начало русской историографии и русскому национальному самосознанию. Пушкин выразил это так: «Мы обязаны монахам нашей историей, следственно и просвещением». Православная вера долго считалась в России критерием «русскости».

11. Православное учение о бессмертии души, о повиновении высшим властям за совесть, о христианском терпении и об отдаче жизни «за други своя» дало русской армии все источники ее бесстрашно-го, беззаветного, послушного и всепреодолевающего духа, особенно в учении и практике А.В.Суворова, что неоднократно было признано неприятельскими полководцами.

12. Все русское искусство произошло из православной веры, впитывая в себя ее дух — дух сердечного созерцания, молитвенного парения, свободной искренности и духовной ответственности. Русская живопись пошла от иконы; русская музыка была овеея церковным песнопением; русская архитектура пошла от храмового и монастырского зодчества; русский театр зародился от драматических «действ» на религиозные темы; русская литература пошла от церкви и монашества.

Нет никакой возможности все указать, исчислить, упомянуть. Но надо иметь в виду также значение церковно-славянского языка, православной школы, православного старчества и паломничества, православной философии и многого другого ¹⁴.

Философия истории Ильина включает ряд проблем, связанных с анализом культуры и цивилизации. Согласно Ильину, культура предполагает содержательную глубину, ведет к потаенным и святым основам бытия, к источникам жизни народа. Поэтому культура не может быть охарактеризована как нечто материальное или формальное. Именно здесь он настаивает на четком разграничении культуры и цивилизации. Культура, по Ильину, духовна, первична, творчески целенаправленна, органична. Цивилизация, наоборот, технична, вторична, размножаема, механистична, вещественно и инструментально создаваема. Культура касается внутреннего мира, самого значительного в нем, святого, главного. Цивилизация имеет отношение к внешнему, утилитарному, материальному, второстепенному.

Железная дорога, телеграф, радио, автомобиль, телевидение, сотовый телефон, компьютер и прочие достижения — все это и есть цивилизация, которая абсолютно индифферентна к ценностям культуры и в равной степени может ужиться с любой национальной культурой, с любой религиозной конфессией, с любой политической системой — от тоталитаризма до либеральной демократии. В этом отношении позиция Ильина близка к точке зрения его современника О.Шпенглера, который полагал, что цивилизация есть нисходящая фаза развития культуры, а также к позиции русского мыслителя XX в. Л.Н.Гумилева, понимавшего цивилизацию как техническую сторону культуры, фазу угасания страстей и накопления материальных благ.

Победа цивилизации над культурой нашла символическое выражение в названии исследования О.Шпенглера — «Закат Европы». Именно представитель западного мира, романо-германской культуры доказал, как абсолютизация цивилизационных начал ведет к превращению культуры в мумию. В значительной степени эта позиция имеет место и у Ильина, что нашло выражение в его противопоставлении культуры и цивилизации. «Культура есть явление внутреннее и органическое: она захватывает самую глубину человеческой души и складывается на путях живой, таинственной целесообразности. Этим она отличается от цивилизации, которая может усваиваться внешне и поверхностно, и не требует всей полноты душевного участия. Поэтому народ может иметь древнюю утонченную духовную культуру, но в вопросах внешней цивилизации (одежда, жилище, пути сообщения, промышленная техника и т. д.) являть картину отсталости и первобытности. И обратно: народ может стоять на последней высоте техники и цивилизации, а в вопросах духовной культуры (нравственность, наука, искусство, политика и хозяйство) переживать эпоху упадка»¹⁵.

Необходимо воспроизвести позицию Ильина относительно проблемы заимствования в развитии национальной культуры. Народы перенимают чужую культуру не в слепом подражании и не в рабском педантизме. Здесь имеет место живая модификация, отбор, адаптация, творческое преобразование. И это обычный естественный процесс. Именно так надо понимать влияние византийской культуры на русскую национальную культуру. Чужая культура — это цветок с чужой почвы, продукт чужой жизни. Принцип перенимания чего-либо ложен. Истинным является творческое деяние в культуре на основе собственного содержания. Перенос может дать плоды в том случае, когда он является творческим.

Обращение к философско-исторической концепции Ильина дает нам весьма аргументированную позицию о своеобразии русской культуры, ее глубинных основаниях, сознание того, что русская культура — уникальный духовный организм, а не просто «секта» единственно спасительной западноевропейской культуры, как сегодня утверждают некоторые отечественные культурологи с инокультурной психологией. Поэтому многочисленные призывы осуществить, наряду с экономическими и политическими моделями Запада, и заимствование культурных моделей может привести к стиранию и исчезновению оригинальной русской культуры. Заимство-

вание достижений мировой цивилизации необходимо. Но если цивилизацию мы будем рассматривать, вслед за Ильиным, как техническое воплощение культуры, имеющее вторичный характер, тогда все становится на свои места. Россия и в прошлом не чуралась достижений цивилизации, и надо полагать, что многие элементы цивилизационного развития, возникшие на российской почве, или заимствованные у других народов, будут служить повышению жизненного уровня, не посягая при этом на основания национальной культуры.

Много и напряженно Ильин размышлял о процессе секуляризации в развитии культуры. Он проникательно подчеркивал, что верят все люди, в том числе и безбожники. Но верят они не в Бога, а в механическую материю, в телесные потребности человека, в бездуховную и аморальную природу людей, в силу ненависти, зависти, в силу страха и голода, в механическую вселенную, в механическое хозяйство и общество. «Эти плоды и последствия выражаются в том, что благодатный дух христианства стал отлетать из жизни и покидать мировую культуру, Люди постепенно переложили цель и смысл своей жизни из внутреннего мира во внешний, материя стала первенствовать, духовность перестала цениться; все стало сводиться к земному на земле: небесное в земной жизни перестало привлекать взоры и сердца. Механическое начало возобладало над органическим. Рассудок исключил из культуры созерцание, веру и молитву и попытался их скомпрометировать. Учение о любви было вытеснено «спасительным» учением о классовой ненависти; сердца иссыхали, глубина измельчала; ум отверг искренность и превратился в хитрость. Содержание жизни стало несущественным, началась погоня за пустой формой»¹⁶. Эти процессы были оценены Ильиным как проявление симптома кризиса современной культуры. Преодоление этого кризиса он однозначно связывает с возвращением к христианской культуре.

Характеризуя историческое развитие, Ильин утверждал, что Россию веками разрушали, потрясали, превращали в руины, тормозили, сдерживали, и потому русский народ заботился о внутренней культуре. «Отсталая в плане цивилизации, Россия всегда оставалась самобытной в своей культуре и творчески развитой страной. Россия изначально, еще тысячу лет назад, имела все необходимое для создания своеобразной культуры, а именно: заряд духовного темперамента, своеобразный душевно-духовный акт — в чувстве, в созерцании, в воле, мышлении и делании и, что самое важное — собственное внутреннее понимание Бога, внешне-внутренней правды мира и человеческого блага»¹⁷.

IV. ХАРАКТЕР РУССКОГО НАРОДА И ОСНОВНЫЕ СЛАГАЕМЫЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Ильин постоянно подчеркивал, что культура всегда была и будет иметь национальный характер. Тот духовный акт, которым народ творит свою национальную культуру, есть акт национальный: он возникает в национальной истории, он имеет свое особое национальное строение, он налагает свою печать на все содержание наци-

ональной культуры. У каждого народа есть известная ступень духовной зрелости, на которой он осознает особенности своего национального духа и своей национальной культуры. Тогда нация постигает свой религиозный смысл, а национальная культура утверждается на религиозной основе. «Есть закон человеческой природы и культуры, в силу которого все великое может быть сказано человеком или народом только по-своему, и все гениальное рождается именно в лоне национального опыта, духа и уклада. Денационализируясь, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и к священным огням жизни, ибо эти колодцы и эти огни всегда национальны: в них заложены и живут целые века всенародного труда, страдания, борьбы, созерцания, молитвы и мысли»¹⁸.

Это обстоятельство требует от нас обращения к тем разделам творческого наследия Ильина, которые посвящены характеру русского народа, особенностям «русской души» и русского национального самосознания. Эта проблематика всегда была в центре внимания русских писателей и философов. Пушкин, Гоголь, Достоевский, Бердяев, Лосский и многие другие вскрыли и сделали объектом исследования тему — особенности русской души. Существуют исследования последних лет, посвященные этой теме¹⁹.

Ильин никогда не идеализировал русский народ, подчеркивая при этом, что характер каждого народа имеет свои хорошие качества и свои недостатки. Свою цель он видел прежде всего в том, чтобы выразить своеобразие русской души. Это своеобразие исторически складывалось под влиянием весьма разнородных условий, факторов и обстоятельств, которые формировали русский национальный характер, а потом на протяжении многих поколений играло роль архетипа, воспроизводящегося в каждом поколении и в каждом человеке. Среди этих условий и факторов Ильин называет природу и климат, этнические истоки, ход исторического развития и геополитическое положение России, социальные формы (соборная психология и монархическая государственность) и Православие. Теперь попробуем воспроизвести логику Ильина об основаниях русского национального характера.

Душа народа, согласно Ильину, находится в живой и таинственной взаимосвязи с его природными условиями и не может быть достаточно понята и постигнута без учета этой взаимосвязи. Суровый климат России, подобного которому нет ни в одной стране Западной Европы, да и в мире, породил «самородный» характер русской души: безмерность, интенсивность бытия становятся слагаемыми национального характера. Природа требует от русского выносливости без меры, закалка является для него жизненной необходимостью.

Природа России — материнское лоно, колыбель, мастерская и смертное ложе русского народа. Она сформировала характер, темперамент, чувство ритма, терпение и стойкость, укрепляла дух народа. Безбрежность пространства, морозная зима и знойное засушливое лето, бурная весна и слякотная осень придают специфический оттенок национальному характеру — безмерность души. Резкая смена ритмов природы, интенсивные перепады влияют на душу народа, которая, по выражению Ильина, становится глубокой и буре-

ломной, разливной и бездонной. «То, что этот диапазон настроений и эти колебания даны ему от природы, знает каждый русский, а особенно русские поэты... Русский все это воспринимает страстно и радуется могуществу мировой стихии. Он не знает страха перед природой, пусть даже она ужасающе неистова и грозна: он сочувствует ей, он следует за ней, он причастен к ее темпераменту и ее ритмам... Но он упивается не столько «беспорядком» или «разрушением», как таковыми, о чем бездумно твердят некоторые в Западной Европе, сколько интенсивностью бытия, мощью и красотой природных явлений, непосредственной близостью ее стихий, вчувствованием в божественную сущность мира, созерцанием хаоса, вглядыванием в первооснову и бездну бытия, откровением Бога о нем»²⁰.

Тотальную безмерность русского национального характера стремились выразить многие русские поэты, но особенно полно это удалось А.К.Толстому:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!

Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

Однако эта безмерность русского национального характера породила не только положительные качества (щедрость, широта, удала, свободолюбие), но и отрицательные (расточительство, бесшабашность, разгул, слабая дисциплина). Поистине, наши недостатки являются продолжением наших достоинств. Ильин фиксирует внимание на том, что безмерность для русского человека есть живая конкретная данность, его объект, его исходный пункт, его задача. «Такова русская душа: ей даны страсть и мощь; форма, характер и преображение суть ее исторические жизненные задачи».

Следует еще раз остановиться на роли Православия в формировании русского национального характера. Созидательную силу Православия Ильин видит в созерцающем сердце и в молитвенном упражнении, которое он называет «духовной практикой» или «духовным деланием». Духовное делание включает в себя смирение и страдание, исповедь и очищение от грехов, молитву и почитание святых. Православие научило русского человека переносить тяготы и труд, нужду и лишения, болезнь и печаль, именно как очищение, поучение и небесное наставление. «В этом религиозный источник русской стойкости и терпения, что нельзя объяснить, исходя из исключительно биологической витальности русских. Отсюда колоссальная выносливость и сила жертвенности русского народа»²¹.

Если национальный духовный акт, которым народ творит свою культуру, и свойства национального характера со временем обретают качество архетипов, то они, наряду с бессознательными, эмоциональными процессами, могут быть и социально воспитуемы, целенаправленно формируемы. Воспитание детей — это «пробуждение их

бессознательного чувствилища к национальному духовному опыту». Именно на этом пути, утверждает Ильин, надо бороться с национальным обезличиванием наших детей. «Надо сделать так, чтобы все прекрасные предметы, впервые пробуждающие дух ребенка, вызывающие в нем умиление, восхищение, преклонение, чувство красоты, чувство чести, любознательность, великодушие, жажду подвига, волю к качеству — были национальными, у нас в России — национально русскими; и далее: чтобы дети молились и думали русскими словами; чтобы они почуяли в себе кровь и дух своих русских предков и приняли бы любовью и волею — всю историю, судьбу, путь и призвание своего народа; чтобы их душа отзывалась трепетом и умилением на дела и слова русских святых, героев, гениев и вождей. Получив в дошкольном возрасте такой духовный заряд и имея в своей семье живой очаг таких настроений, русские дети, где бы они ни находились, развернутся в настоящих и верных русских людей»²².

Сокровища, на основе которых возможно формирование национального самосознания Ильин ранжирует в следующем порядке: язык, песня, молитва, сказка, жития святых и героев, поэзия, история, армия, территория и хозяйство. Для каждого из этих слагаемых национального самосознания Ильин сумел подобрать кристально-ясные характеристики. Попробуем их воспроизвести хотя бы отчасти.

1. Язык вмещает в себе таинственным и сосредоточенным образом всю душу, все прошлое, весь духовный уклад и все творческие замыслы народа. Ильин подчеркивает богатство, благозвучие, выразительность, творческую неисчерпаемость и точность русского языка.

2. Песня. Ребенок должен слышать русскую песню еще в колыбели. Пение несет ему первый душевный вздох и первый духовный стон: они должны быть русскими. Русская песня, согласно Ильину, глубока, как человеческое страдание, искренна, как молитва, сладостна, как любовь и утешение; в наши черные дни она даст детской душе исход из грозящего озлобления и окаменения.

3. Молитва есть сосредоточенная и страстная обращенность души к Богу. Каждый народ совершает это обращение по-своему, даже в пределах единого исповедания. Молитва даст ребенку источник духовной силы. На основе религиозного опыта он станет опорой русской церкви.

4. Сказка будит и пленяет мечту. Она заселяет его душу национальным мифом, тем хором образов, в которых народ созерцает себя и свою судьбу, исторически глядя в прошлое и пророчески глядя в будущее.

5. Жития святых и героев. Чем раньше и чем глубже воображение ребенка будет пленено живыми образами национальной святости и национальной доблести, тем лучше для него. Образы святости пробуждают его совесть, а образы героизма пробуждают в нем волю к доблести, жажду подвига, непоколебимую веру в духовные силы своего народа. Ильин делает удивительно точное пояснение: национальный герой ведет свой народ даже из-за гроба.

6. Поэзия. Стихи таят в себе благодатно-магическую силу, они подчиняют душу, пленяют ее гармонией и ритмом, побуждают ее

искать закона и формы, учат ее духовному восторгу. Русский народ имеет единственную в своем роде поэзию, где мудрость облечена в прекрасные образы, а образы становятся звучащей музыкой. Русский поэт одновременно и национальный пророк и национальный гений.

7. История. Русский ребенок должен с самого начала почувствовать и понять, что он славянин, сын великого славянского племени и в то же время сын русского народа, имеющего за собой величавую и трагическую историю, перенесшего великие страдания и крушения и вышедшего из них не раз к подвигу и расцвету. История учит духовному преемству и сыновней верности и ограждает душу ребенка от национального эгоизма и национального нигилизма. Но это зависит от преподавателя истории, который не скрывает от ученика слабые стороны национального характера и вместе с тем указывает ему все источники национальной силы и славы.

8. Армия есть сосредоточенная волевая сила моего государства, оплот моей родины, воплощенная храбрость моего народа, организация чести, самоотверженности и служения — вот чувство, которое должно быть передано ребенку его национальным воспитателем.

9. Территория. Русский ребенок должен почувствовать, что русская национальная территория добыта кровью и трудом, волею и духом, что она не только завоевана и заселена, но что она уже освоена и еще недостаточно освоена русским народом. Национальная территория есть творческое задание народа, его живое обетование, жилище его грядущих поколений.

10. Хозяйство. Ребенок должен с раннего детства почувствовать творческую радость и силу труда, его необходимость, его почетность и его смысл. Пробуждение этого смысла позволит заложить в нем основы духовной почвенности и хозяйственного патриотизма ²³.

Столь подробное воспроизведение позиции Ильина в проблеме национального воспитания обусловлено, по моему мнению, необычайной актуальностью этого вопроса. Сегодня мы на каждом шагу видим размах всеразлагающего национального нигилизма, уничтожения базовых национальных ценностей, включая русский язык, песню, а особенно — отношение к истории России и к армии. Именно эти ценности Ильин называл *идеями родной нации*. «И при таком понимании ее обнаруживается воочию, что человек, лишенный ее, будет действительно обречен на духовное сиротство или безродность; что обретение ее есть поистине акт жизненного самоопределения; что иметь родную нацию есть поистине счастье, а утратить с нею связь есть великое горе; что тоска по ней естественна, а отчаяние в своем народе противоестественно; и что, наконец, человеку подобает блюсти на всех путях достоинство своего народа, гордиться его признанием, его величием и его успехами» ²⁴.

V. ТВОРЧЕСКАЯ ИДЕЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ МИССИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Размышления Ильина о творческой идее России и русской культуры являются итогом его историософских исканий, проходят крас-

ной нитью через все его сочинения. Но в работе «Сущность и своеобразие русской культуры» он дает этой проблеме концептуальное выражение. Вместе с тем, учитывая специфику текущего исторического периода, и опираясь на творческое наследие отечественных мыслителей, Ильин стремился решить эту проблему, связывая ее с вопросом о путях выхода России из национальной катастрофы. Такая постановка проблемы исключительно важна для нас, для современного развития России, оказавшейся в глубочайшем кризисе в результате социальных разломов конца XX в.

Характеризуя творческую идею русской культуры в единстве ретроспективы и перспективы, Ильин постоянно подчеркивает, что в решении этой проблемы нужно исходить не из интуитивного умозрения, а из четко осознанного концептуального философского плана. Творческая идея — это то, что фактически свершилось, что существует в деятельности и культуре народа как внутренняя сила, что уже ведет народ в истории, что уже нашло и будет находить выражение в его творчестве. Ильин говорит, что суть творческой идеи не в том, что это некий идеал, призванный раскрыться в будущем, не платоническая идея, не некая потенция, а скорее «аристотелева энтелехия», имеющая действительное актуальное существование. «Такую творческую идею России я и имею в виду и ищу. Она есть то, что было всегда в народе и что сражалось за народ, что определяло образ мыслей его, выстраивало и шлифовало его творческий акт, служило мерилom его лучших творений, выражая в них себя...»²⁵.

Основой творческой идеи России является православно-христианское и русско-национальное начало. В таком виде она существовала в прошлом, существует в настоящем и будет существовать в будущем. Творческая идея — «светящийся клад русского национального и духовного опыта — религиозного, и нравственного, и художественного, и государственного». Она проистекает из исторического единства России, духовного единства русской культуры. «Это духовно-культурное единство России завершается ныне, как и встарь, ее территориально-политическим единством, ее общею международно-военною судьбою и ее хозяйственно-производительною и торговою принадлежностью. Россия... есть живой, духовно и исторически сложившийся организм, который при всякой попытке раздела и из всякого распада вновь восстановится таинственной, древней силой своего духовного бытия»²⁶.

В осуществлении творческой идеи сегодня и в отдаленной перспективе, по мысли Ильина, мы должны считаться только с двумя великими реальностями: 1) с исторически данной Россией, ее целями и интересами; 2) с верно понятыми и усвоенными аксиомами правосознания и государственности, взращенными в нас двухтысячелетним христианским опытом. Лишь тогда будущее России будет живой и верной функцией русской истории и этих бесспорных христианских аксиом, воплотившихся в живую ткань русской народной жизни.

России нужна не классовая ненависть и не партийная борьба, раздирающая ее единое тело, ей нужна ответственная идея на отдаленную перспективу. Притом идея не разрушительная, а положитель-

ная, государственная. «Эта идея должна быть государственно-историческая, государственно-национальная, государственно-патриотическая, государственно-религиозная. Эта идея должна исходить из самой ткани русской души и русской истории, из их духовного гланда. Эта идея должна говорить о главном в русских судьбах — и прошлого и будущего; она должна светить целым поколениям русских людей, осмысливая их жизнь и вливая в них бодрость»²⁷.

Большое значение в этом плане Ильин придавал национальному самовоспитанию, воспитанию в русском народе национального духовного характера. Он высказывает очень проницательное замечание, что «враги России были как бы призваны к тому, чтобы духовно пробудить нас», но национального воспитания они не дадут, и не захотят, и не смогут. Национальное воспитание может быть осуществлено и должно быть проведено самим русским народом, его сильной национальной интеллигенцией, священником и монахом, учителем и профессором, офицером и чиновником, художником и писателем.

Ильин пунктуально анализирует на огромном материале, как творческая идея России воплощалась веками в Православии, в художественной литературе, в искусстве, в философии и в науке, в историческом бытии, в развитии экономики и хозяйства. Характеризуя развитие русской архитектуры, он приводит в качестве примера храм Василия Блаженного, построенный в XVI в. зодчими Бармой и Постником. Они осуществили блестящую идею: дать единство в многообразии, соединить невообразимо разнородное в одно целостное. Это — гимн, несущий в себе ключевую идею России и русского национального характера — идею соборности. «В нем выражается главная идея России: беречь и сохранять единство, ценить индивидуальность, не подавлять ее — дать человеку и народам возможность процветания в свободе и независимости и из каждого отдельно цветущего множества создать великолепие единства»²⁸. И эта идея была воплощена в самых различных проявлениях русского гения, от художественной литературы, до науки и искусства.

В анализе творческой идеи России и русской культуры Ильин придавал большое значение феномену страдания. Русский народ в своем историческом бытии, движимый мужеством и отмеченный печатью страданий, отвоевал свое право на независимость самобытность культуры. «Если вы услышите от русского утверждение, что все самое великое в мире создается страданием, будьте уверены, что это не заумный парадокс. История научила русский народ творчески переносить страдание и преодолевать его. «Русская история учит нас, что все великое в мире происходит из явных или скрытых страданий; как бы велики они ни были, бояться их не надо, так как всякое страдание ставит перед нами задачу творческого и духовного его преодоления»²⁹. Именно в этом видит Ильин ключ к русской душе — к Православию, поэзии, музыке, живописи и государственному строительству.

Особое значение Ильин придавал сущности и форме существования национальной культуры и государства. Культура и государство по форме и проявлению бытия должны быть светскими и свободными. То есть, Ильин никогда не призывал к клерикализации культуры и государства. «Культура остается творчески свободной

и секуляризованной, но по содержанию истинной, христиански-истинной, поскольку произошла из живого и свободного созерцания сердцем и прошла очищение через горнило совести»³⁰. Церковь в этом случае предстает в качестве матери, которая никогда не откажет и не изменит, остается живой квинтэссенцией национального духа, но своих детей посылает в мир свободно.

В статье «О русской идее» Ильин подчеркивает, что эта идея не может быть выдумана или искусственно создана. Ее возраст равен возрасту исторической России, ее религиозным источником является идея православного христианства. Россия вместе с христианством тысячу лет тому назад восприняла свое национальное задание: осуществить свою национальную культуру, проникнутую христианским духом любви и созерцания, свободы и предметности.

«Эту творческую идею нам не у кого и не для чего заимствовать: она может быть только русскою, национальною. Она должна выражать русское историческое своеобразие и в то же время — русское историческое призвание. Эта идея формулирует то, что русскому народу уже присуще, что составляет его благу силу, в чем он прав перед лицом Божиим и самобытен среди всех других народов. И в то же время эта идея указывает нам нашу историческую задачу и наш духовный путь; это то, что мы должны беречь и растить в себе, воспитывать в наших детях и в грядущих поколениях и довести до настоящей чистоты и полноты бытия — во всем: в нашей культуре и в нашем быту, в наших душах и в нашей вере, в наших учреждениях и законах. Русская идея есть нечто живое, простое и творческое. Россия жива ею во все свои вдохновенные часы, во все свои благие дни, во всех своих великих людях»³¹.

Концептуальность и обоснованность философско-исторических исканий Ильина рельефно представлена в его научных прогнозах относительно перспектив России и русской культуры после преодоления коммунистического этапа. Так при чтении статьи Ильина «Что сулит миру расчленение России?», написанной в середине XX в., мы воочию видим, что Ильин точно смоделировал развитие событий конца XX в. Он писал, что расчленение России, которое на протяжении всего XX в. было стратегической политической целью стран Запада, явилось бы невиданной еще в истории политической авантюрой, гибельные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена. Что же толкает западные страны («международную закулису») к подобной цели? Это — застарелая вражда к России и к Православию. Это — стремление лишить Россию ее государственной мощи и национального своеобразия, провести ее западное уравнивание и тем самым погубить. Ильин прогнозирует (за полвека до распада Советского Союза) эту историческую ситуацию: «Расчленение организма на составные части нигде не давало и никогда не даст ни оздоровления, ни творческого равновесия, ни мира. Напротив, оно всегда было и будет болезненным распадом, процессом разложения, гниения и всеобщего заражения. И в нашу эпоху в этот процесс будет втянута вся вселенная. Территория России закипит бесконечными распрями, столкновениями и гражданскими войнами, которые будут постоянно перерастать в мировые столкновения»³².

Ильин прогнозирует политические результаты подобного расчленения — возникновение до двадцати отдельных «государств», не имеющих ни бесспорной территории, ни авторитетных правительств, ни законов, ни суда, ни армий, ни бесспорно национального населения. «Россия превратится в гигантские «Балканы», в вечный источник войн, в великий рассадник смут, Она станет мировым бродилом, в которое будут вливаться социальные и моральные отбросы всех стран..., все уголовные, политические и конфессиональные авантюристы вселенной. Расчлененная Россия станет неизлечимой язвой мира»³³.

К сожалению, после краха Советского Союза события пошли по сценарию, изложенному в прогнозе Ильина, с точностью до подробностей. Какой же выход видел Ильин из ситуации, связанной с расчленением России? По его мнению, возможны два пути: или внутри России встанет русская национальная диктатура, которая пресечет всякие сепаратистские движения в стране; или же в стране начнется анархия, безвластие, развал экономики и транспорта со всеми вытекающими последствиями. Иных вариантов просто не существует. Он был прав. Мы пережили за последние 10 лет все «прелести» второго варианта, но реальной силы, которая могла бы восстановить, хотя бы отчасти, единую историческую Россию, сегодня просто не существует. Ильин неоднократно подчеркивал значение некоей скрытой силы, направленной против исторической России, называя ее «мировой закулисой». Сегодня эта сила находит воплощение в стратегии глобализации. Не напрасно Ильин прозорливо отмечал, что все планы расчленения России вместе с тем связаны с паневропейским объединением, чему свидетелями мы являемся на рубеже XX — XXI вв.

Будучи религиозным мыслителем, утверждающим роль Божественного Провидения в истории, Ильин в то же самое время неоднократно выступал против русской мессианской идеи. Наиболее полно эта тема обоснована им в статье-рецензии на книгу немецкого философа В.Шубарта «Европа и душа Востока». Ильин не согласен с позицией Шубарта, согласно которой Россия призвана духовно и религиозно спасти другие народы.

Какие аргументы выставляет Ильин против точки зрения Шубарта: а) пути и судьбы Провидения в истории нам не открыты, и мы не знаем, как будут ведомы западные и восточные народы в их истории; б) мы, русские, не должны принимать от Запада настроения национальной гордыни, духовного империализма и религиозного шовинизма; в) спасение одного народа другим в истории — дело меча и власти, хотя Россия бескорыстно помогала многим народам, но идея спасения души и духа, подобает только Богу, откровению и благодати, а не людям; г) мы призваны быть, а не слыть, быть, а не учительствовать, мы русские призваны сейчас к смирению, трезвению и к покаянному самоочищению. Отсюда и оценка книги Шубарта: «Поскольку книга Шубарта обращена к Европе, она полезна и значительна. Поскольку она обращена к России, она содержит соблазн и соращение»³⁴.

Особое место в философии истории Ильина занимает проблема добра и зла, изложенная им в книге «О сопротивлении злу силою»

(Берлин, 1925), содержащей критику основ толстовской концепции. Эта книга породила бурную дискуссию как в эмигрантской среде, так и уничтожающую критику в советской печати. Основной тезис был сформулирован четко и недвусмысленно уже во Введении: «Может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом? Может ли человек, верующий в Бога, приемлющий его мироздание и свое место в мире, не сопротивляться злу мечом и силою? Вот двуединый вопрос, требующий ныне постановки и нового разрешения»³⁵.

Ответ на этот вопрос, изложенный Ильиным в результате глубокого и основательного исследования, несомненен: «Физическое пресечение и понуждение могут быть прямою религиозною и патриотическою обязанностью человека, и тогда он не в праве от них уклониться»³⁶.

Насколько актуальна эта проблема для наших дней, и как прозорливо она была проанализирована Ильиным, мы можем выяснить по следующим его суждениям. Тезис о «непротивлении злу силою» означает отрицание родины, ее бытия, ее государственной формы и необходимости ее обороны. «Все огромное хранилище духовной культуры оказывается опустошенным и сокровища его извергнутыми, все творческое напряжение человеческого духа оказывается осужденным и запрещенным. Религиозно обескрыленный, осмеянный и низведенный; познавателью обессиленный и ослепленный; художественно урезанный и порабощенный; лишенный прав, обороны и родины — человек остается к концу этого противодуховного циклона жалким существом»³⁷. Поистине, полная характеристика нашего современного постсоветского бытия России, ее экономического и политического существования, ее культуры и науки. Поэтому в полный рост встает вопрос о национальной безопасности страны во всех ее проявлениях. «В этих условиях необходимость оборонять родину, веру и святыни ставит человека в положение не воспитателя, а воина»³⁸. Лишь тогда зло будет пресечено.

Тем не менее, узел всех историософских проблем Ильин, как православный мыслитель, полагает в роли Божественного Провидения в истории. Здесь он, являясь глубоким знатоком и исследователем творчества Г.Гегеля, следует его позиции в понимании смысла истории: «Бог правит миром, содержание его правления, осуществление его плана есть всемирная история. Философия хочет понять этот план» (Гегель). Это понимание смысла истории России, согласно Ильину, осуществляется на языке Православия и русской национальной культуры. Однако это понимание является далеко не всегда адекватным, «Через великие пространства истории бредут слепые поколения; и в слепоте заблуждаются; и, заблудшие, неистовствуют. Вся жизнь их разбивается в *пыль* разрозненных мигов и бессмысленных случайностей, и насыщается разлившеюся *влагою* страстей. Но именно из пыли и влаги составилось некогда то *брение*, которое было возложено на очи слепому, дабы он прозрел»³⁹.

Для современного читателя далеко не бесспорными являются взгляды Ильина на большевизм, коммунизм и деятельность III Интернационала, изложенные им в ряде трудов: «Большевистская политика мирового господства. Планы III Интернационала по рево-

люционизированию мира»; «Яд. Дух и сущность большевизма»; «Советский Союз — не Россия» и др. Эти работы были адресованы западному читателю. В них большевизм и коммунизм рассматриваются Ильиным не только как политические и идеологические реалии истории России XX в., но и как духовная болезнь всемирной истории, как результат безбожия и посягательства на естественное, созданное Богом устройство мира и человека.

Вместе с тем представляется несостоятельной критика в адрес Ильина современного нам автора, который считает, что «истинно главными» философскими работами Ильина являются его труды, посвященные творчеству Гегеля и немецкой классической философии в целом, относящиеся к первому периоду его творчества. По мнению автора, «вся концепция духовного национализма, приобретает совершенно абстрактный, декларативный характер»; что позднее Ильин выражал «основные принципы «почвеннической идеологии»; что все его творчество в эмиграции заключалось «в проповеди церковного, исторического православия»⁴⁰.

Обращение к философии истории Ильина имеет не только и не столько чисто познавательное значение. Его работы являются классическими для понимания и постижения глубинных оснований истории России, русского национального самосознания и русской культуры во всех ее проявлениях. И как классика, труды Ильина имеют вневременной характер, его прогнозы, его рекомендации, его указания, как найти пути выхода из национальной катастрофы, имеют для нас самое актуальное значение. Чтение трудов Ильина научит нас постигать способ его аргументации, его глубочайшую эрудицию и искрометный стиль. Нам необходимо учиться у Ильина русскому национальному творческому акту, восприятию жизни, труда и истории русского народа как исполнению религиозного долга.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ильин И.А. О России. Три речи. 1926—1933 // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. 2. М., 1996. С. 19.

² Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 303.

³ Ильин И.А. Наши задачи // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 2. М., 1993. С. 365.

⁴ Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1927—1934). Т. 1. М., 2000. С. 7.

⁵ Ильин И.А. Творческая идея нашего будущего // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М., 1998. С. 398.

⁶ Там же. С. 399.

⁷ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. 2. М., 1996. С. 608.

⁸ Там же. С. 517.

⁹ Ильин И.А. О России. Три речи. 1926—1933. С. 22.

¹⁰ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 484.

¹¹ Там же. С. 476.

¹² Там же. С. 576.

¹³ Там же. С. 474.

¹⁴ Ильин И.А. Основы борьбы за национальную Россию // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 9—10. М., 1999. С. 323—327.

¹⁵ См.: Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. М., 1995; Полторацкий Н.П. Ильин Иван Александрович: жизнь, труды, мировоззрение: Сб. ста-

тей. Эрмитаж, 1989; Трофимов В.К. Душа русского народа. Екатеринбург. 1998. С. 300.

¹⁶ Ильин И.А. Основы христианской культуры // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М., 1993. С. 329.

¹⁷ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 593.

¹⁸ Ильин И.А. Основы христианской культуры. С. 200.

¹⁹ См.: Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. М., 1995; Полторацкий Н.П. Ильин Иван Александрович: жизнь, труды, мировоззрение: Сб. статей. Эрмитаж, 1989; Трофимов В.К. Душа русского народа. Екатеринбург, 1998.

²⁰ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 383—384.

²¹ Там же. С. 430.

²² Ильин И.А. Основы христианской культуры. С. 202.

²³ Там же. С. 202—208.

²⁴ Там же. С. 200.

²⁵ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 614.

²⁶ Там же. С. 323.

²⁷ Ильин И.А. Творческая идея нашего будущего. С. 457—458.

²⁸ Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 603.

²⁹ Там же. С. 609.

³⁰ Ильин И.А. Основы христианской культуры. С. 618.

³¹ Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948—1954 гг.: В 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 322—323.

³² Там же. С. 255.

³³ Там же.

³⁴ Ильин И.А. Творческая идея нашего будущего. С. 413.

³⁵ Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. С. 304.

³⁶ Там же. С. 438.

³⁷ Там же. С. 372.

³⁸ Там же. С. 436.

³⁹ Ильин И.А. Основы борьбы за национальную Россию. С. 249.

⁴⁰ Евлampieв И.И. Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. СПб., 1998. С. 254, 258, 296.

С.З.ГОНЧАРОВ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ РОССИИ: МЕТОДОЛОГИЯ ПОНИМАНИЯ

В современной России одним из главных является противоречие между *социокультурными традициями* и *процессом модернизации*. Модернизация пока сводится к простому заимствованию стандартов Запада. Традиция не развивается органично, а просто обрубается. В результате большинство граждан находятся в состоянии неопределенности относительно главных *смысложизненных* вопросов и испытывают неуверенность в проектировании своей жизни. Исчезла *ценностная стратегия* развития страны. В народном сознании происходит *размывание национально-культурной идентичности и целеполагания*, этим объясняется потеря народом, как *субъектом, самостоятельности и инициативы* в общественном жизненном процессе. В такие переломные периоды всегда возникает вопрос «кто мы, русские?». От решения этого вопроса зависит постановка главных целей, стратегия и тактика в развитии страны. Вопрос о национальной идее России — важнейший для решения конкретных жизненных задач. В нем речь идет не о частном, а о всеобщем содержании, о существенной определенности народа. Ибо потеря народом своей идентичности равносильна деперсонализации личности.